

Публикация документов

УДК 025.173

DOI 10.62139/2949-608X-2025-3-3-170-183

Первый номер «Журнала ученых» и начало научной периодики

Разумовский Иван Сергеевич

Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

В статье дан перевод предисловия к первому номеру «Журнала ученых» Дени де Салло. Текст предисловия рассмотрен как программа первого научного журнала. Программа прокомментирована в порядке ее пунктов: 1) публикация рецензий на книги как главное назначение издания, 2) некрологов (зачаточная «история науки»), 3) статей по естественным наукам, 4) планы сделать журнал не только местом обнародования результатов исследования, но и еще одним узлом научной переписки, 5) периодичность выхода и полемика в научной прессе.

Ключевые слова: наука, научная периодика, журнал, «Журнал ученых», Journal des sçavans, Philosophical Transactions, Дени де Салло, Генри Ольденбург, рецензия, статья, полемика, типография, академия

Цитирование: Разумовский И.С. Первый номер «Журнала ученых» и начало научной периодики // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2025. Т. 3, вып. 3. С. 170–183.

The First Issue of Journal des Sçavans and the Origin of Scientific Periodicals

Ivan S. Razumovsky

S.I. Vavilov Institute for the History of Natural Sciences
and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The paper contains a Russian translation of the preface to the first issue of Journal des sçavans, the first scientific periodical published in 1665 and edited by Denis de Sallo, a French magistrate and erudite. The preface is considered as a plan for an editorial project. Our commentaries follow the order of the points in the preface: (1) book reviews were the main focus of the journal; (2) de Sallo also intended to publish obituaries and (3) scientific articles, and (4) to maintain and publish scientific communications; 5) journal periodicity and discussions.

Keywords: science, scientific periodicals, journal, *Journal des sçavans*, *Philosophical Transactions*, Denis de Sallo, Henry Oldenburg, book review, scientific article, discussions, printers, academy

Триста шестьдесят лет назад в Париже, датированный понедельником пятого января 1665 г., вышел первый номер первого научного журнала, *Journal des sçavans* («Журнал ученых»). В марте того же года «по следам» «Журнала ученых» начали выходить *Philosophical Transactions*, второй научный журнал в истории. Издававший его Генри Ольденбург в первом номере ограничился кратким посвящением членам Королевского общества. В отличие от него издатель «Журнала ученых» Дени де Салло дал в предисловии к первому номеру целую программу из нескольких пунктов. В первом он писал:

Поскольку цель этого журнала заключается в том, чтобы предавать гласности то, что происходит в республике словесности, он будет состоять из:

Во-первых, точного каталога наиболее важных книг, которые будут печататься в Европе, причем мы не удовлетворимся тем, чтобы просто давать наименования, как до сего времени делает большая часть составителей каталогов, но к тому еще скажем, о чем они трактуют и в чем могут быть полезны (здесь и ниже все переводы мои. – И.Р.).

«Составители каталогов» дословно *bibliographes*. Видимо, это неологизм самого де Салло: значение «тот, кто составляет каталоги» словарь под редакцией Алена Ре (*Dictionnaire culturel en langue française*, dir. Alain Rey) датирует как раз 1665-м годом и вряд ли в 1665 г. кто-то успел использовать его раньше пятого января, а в словаре Фюретьера слово отсутствует, но с тем же значением там фигурирует вторая половина статьи *Bibliothecaire*, «библиотекарь»: «... также говорится об авторах, которые написали каталоги книг, такие, как поименованные в книге отца Лаббе, который сделал из них сборник». Филипп Лаббе известен тем, что издавал каталоги рукописей: *Nova Bibliotheca manuscriptorum librorum...* По названию *Nova Bibliotheca* понятно, почему Фюретьер называет составителей каталогов библиотекарями: они писали книги в жанре «библиотека». Фюретьер определяет жанр так: «Библиотеками называют также книги, которые содержат каталоги книг библиотек (в исходном смысле книгохранилищ. – И.Р.)». Адриен Байе составлял такой каталог для библиотеки своих патронов Ламуаньонов. Такую же работу для библиотеки Жана Декорда, купленной Мазарини, проделал Габриэль Нодэ, а для библиотеки де Ту – Исмаэль Буйо. Фюретьер приводит этих двоих как пример такой работы. Фамилию Буйо он пишет с ошибкой (*Bouilland* вместо *Bouillau/Bouillan* (и *de Cordes* вместо *Descordes*)) как бы в пандан другой ошибке: книга Нодэ называется не «Библиотека», а «Каталог» (*Bibliothecae Cordesianae catalogus*). В нем мы действительно видим только то, о чем сказал де Салло: название книги, автор, место и год издания.

Однако книги, которые Фюретьер приводит в пример дальше, уже не представляют собой каталог какой-то одной библиотеки и расширяют «жанровое» значение слова «библиотека» до больших библиографических трудов, вмещающих не одно книгохранилище: это *Bibliotheca universalis* Конрада Геснера и католический «ответ» на нее Антонио Поссевино (*Bibliotheca selecta* и *Apparatus sacer ad scriptores veteris et novi testamenti*). (Как средневековый прототип последним в этом ряду идет Фотий.) Дальше он возвращается к Лаббе, уже упомянутому в статье «библиотекарь» как составитель каталога каталогов, в самом хвалебном тоне: «Отец Лаббе, иезуит, издал «Библиотеку библиотек», каковая представляет собой издание ин-октаво и содержит только каталог имен тех, кто писал «Библиотеки». Мы находим там сборник всех каталогов книг, которые изданы до настоящего времени авторами всех наций, панегиристами известных людей, самыми прославленными печатниками и издателями Европы и всеми теми, кто описывал знаменитые кабинеты редкостей, монеты, веса и меры, надписи и памятники древности». Далее Фюретьер дал самую настоящую, хоть и микроскопическую персонализированную историю библиографии в Европе.

Итак, Фюретьер выдвигает Лаббе как образцового «библиотекаря» из-за *Bibliotheca bibliothecarum* (сначала раздел *Nova Bibliotheca*, затем самостоятельный титул). Однако с Лаббе связана другая книга, каталог его собственных печатных работ: *Catalogus librorum omnium quos hactenus in lucem emisit, aut sub praelo habet Philippus Labbe...* В нем, как и говорит де Салло, даны только наименования книг, но поскольку их длинные названия содержат не только название в нашем смысле, но и «аргумент» (краткое резюме темы), по ним понятно, о чем говорит любая книга, учтенная в каталоге. Тем не менее «аргументные» части названий и близко не стоят к полноценным, пусть и кратким, рецензиям, которые хотел писать и впоследствии писал де Салло, его сотрудники и преемники. Первый номер «Журнала ученых» состоит из них почти полностью. Рецензия на издание сочинений двух африканских епископов эпохи арианских споров, Виктора Витенского и Вигилия Тапсийского открывает номер. Это две страницы текста. Первая рассказывает, почему это издание было необходимо, притом что «История африканского гонения» Виктора Витенского к тому моменту уже была напечатана в «Библиотеке отцов» (*Bibliotheca Patrum* М. де Ла Биня): книга переатрибутирована (собрание Биня приписало ее Виктору Утическому, а не Виктору Витенскому), восполнена лакуна текста Биня, благодаря чему «История» «объясняет много непонятных событий церковной истории». Вторая половина рецензии о епископе Тапса Вигилии (идет под отдельным латинским заголовком: *De Vigilio Tapsensi*): «Очень трудно распознать сочинения, которые принадлежат этому отцу, поскольку... большую часть книг, которые публиковал, он подписывал именами... Афанасия, Идация, Амвросия и Августина. <...> Тем не менее... выяснили, что эти книги были созданы Вигилием. Однако... их приписали другому Вигилию, который был епископом Трента. Но наконец о. Шифле доказал, то они принадлежат епископу Тапса в Африке. Кроме

того, этот отец иезуит написал наблюдения над сочинениями Виктора Витенского и Вигилия Тапсийского, которые стоят прочтения».

Де Салло или Галлуа рецензирует издание памятника и описывает рутинную филологическую работу: установление, атрибуцию и комментирование текста для публикации. Благодаря де Салло филология – наука, с которой началась научная периодика, а жанр, с которого она началась, отнюдь не статья, это рецензия. Сам первый журнал задуман в первую очередь как актуальный библиографический справочник, который дает, в общем, ту же информацию, что и «библиотеки» и «каталоги», но в большем (когда много, когда нет) объеме и о совсем недавно вышедших книгах (издание Шифле датируют 1664 г.: под разрешением иезуитского начальника на его печатание стоит март 1663-го, на титуле 1665). Маленький и юркий на фоне больших и гигантских «библиотек» своего времени «Журнал ученых» должен был поставлять каждому заинтересованному читателю самую свежую информацию о книжных новинках и ориентировать его по их содержанию гораздо точнее «аргументов». Рецензия на издание Шифле адресована специалистам, рассчитана на людей, которые уже знают вошедшие в него сочинения, но должны нуждаться в их новом, более исправном тексте. В содержании октябрьского выпуска Mind за 2024 г. три рубрики: Articles, Discussion Note и Book Reviews. Отбросив пятнадцатистраничную Discussion Note, мы увидим, что Articles включает семь текстов и занимает около двухсот страниц, Book Reviews тринадцать текстов, но около ста страниц. Рецензия остается важнейшим жанром научной периодики, хотя и не доминирующим, как хотелось бы де Салло. Это, видимо, симптом: первый научный журнал потому был в первую очередь библиографическим справочником, что науку все еще ощущали как книжное знание. Рутинная работа ученого в то время как раз и состояла в чтении и записи «извлечений» из книг. Жанру рецензии предшествовал тип работы, которую делали для себя, но могли поделиться в письме. Де Салло сам был в первую очередь мастером такой реферативной работы. По свидетельству его, видимо, первого и единственного биографа Мопери (в девятом томе «Большого исторического словаря» (Grand Dictionnaire historique, 1759)), «он читал самые разные книги с невероятной тщательностью и непрерывно нанимал людей, которые переписывали его размышления и извлечения, которые он отмечал, так что благодаря такому обучению он оказался способен составлять трактаты на любые темы, что и демонстрировал во множестве случаев». Известный анекдот гласит, что когда Декарта попросили показать его библиотеку, он отодвинул занавеску, за которой оказалась препарированная бычья туша: «Вот моя библиотека!» Декарт явно был человеком будущего, де Салло еще прошлого, но будущее они создавали оба и, хотя де Салло, возможно, не вполне ясно понимал, что именно создает и во что его творение вырастет в следующие века, неизвестно, чей вклад был крупнее.

Во-вторых, когда доведется умереть какому-нибудь лицу, славному своей ученостью и трудами, мы опубликуем

похвальную речь в его честь и дадим каталог того, что он издал, присовокупив главные обстоятельства его жизни...

Некролог – жанр исключительной живучести. Изначально epitaphius – это не надпись на могильном камне, а речь на похоронах (самый известный пример – речь Перикла у Фукидида, надпись – epitaphium (sc. epigramma)). Она задала норму жанра: сначала прощальное слово произносили только во время войн над павшими за родину. В дальнейшем традицию восприняла церковь, а в Новое время и наука: всем известно, что во Французской академии, изначально в клубе «филологов», которые обязались составить толковый словарь французского языка, членство было пожизненным, а количество мест (буквально: стульев, которые пожаловал король) ограниченным, так что каждый очередной академик при приеме занимал стул недавно умершего и произносил речь в его честь. Это и университетский обычай: слово памяти Декарта лейденского профессора ван Боксхорна – второй «биографический» текст после эпитафии, которую написал Шаню. Они до сих пор присутствуют в журналах, и отдельные институты даже выпускают специальные издания. Таковы Biographical Memoirs Королевского общества. Эпоха, которая боится смерти гораздо сильнее, чем предшествующие, изменила его название. В 1932 г., когда журнал начали печатать, вещи еще называли своими именами, поэтому размещаемые в нем biographical memoirs именовались просто, Obituary Notices. Де Салло не установил эту традицию, но вписал ее в научную периодику, из которой ей не грозит выписаться, видимо, никогда. Некрологи консолидируют самосознание сообщества, поскольку их пишут коллеги, а когда их пишут ученики, они не дают забыть, что наука по сути своей генеалогична (в ней первостепенно важна связь научного руководства, патроната, цехового отцовства).

В третью очередь мы предадим гласности физические и химические эксперименты, которые могут прояснить природные явления, недавние открытия, которые делаются в ремеслах и науках, как то машины либо полезные или любопытные изобретения, которые может дать математика, астрономические и метеорологические наблюдения и то новое, что сможет найти в животных анатомия.

В четвертую очередь главные решения светских и церковных судов, мнения Сорбонны и других университетов, как этого королевства, так и иных стран.

Наконец, мы попытаемся сделать так, чтобы все, что происходит в Европе и заслуживает любопытства ученых, можно было бы узнать из этого журнала.

Финал первого номера – сообщение о рождении сиамских близнецов в Англии: «Около трех недель тому близ города Солсбери жена одного конюха, разрешаясь девочкой, родила час спустя дитя, которое имело две диаметрально противоположные головы, четыре руки, столько же кистей, один живот и две ноги. Долго не могли решить, как следует крестить это

создание, но наконец, поскольку рассудили, то оно двойное, ему дали при крещении имена Марты и Марии. Пищу оно принимало обеими головами, испражнялось обычным образом. Из двух лиц этого составного существа одно было куда веселей другого. Этот монстр прожил лишь около двух дней. Марта, которая всегда казалась менее живой, чем Мария, умерла первой, а Мария четверть часа спустя. И та, и другая были вскрыты врачом, который обнаружил две нормально сформированные головы и груди, но с животом было не так: кишки соединялись в *ductus communis*, имелась лишь одна *intestinum caecum*, один мочевого пузырь и одна матка. Было, однако, две печени, две селезенки и два желудка. Этого монстра забальзамировали и очень бережно хранят. Наши врачи заметили, что Жак Рюэф¹ в своей книге *de Conceptu et generatione hominis*, напечатанной в Цюрихе в 1554 году, говорит о монстре, похожем на этого. Он родился в

Рис. 1. Сиамские близнецы, гравюра из книги Я. Руфа *De conceptu et generatione hominis* 1554 г. издания.

Источник: [caim archive.org](https://archive.org/details/deconceptuetgene00rl/page/n101/mode/2up)
(<https://archive.org/details/deconceptuetgene00rl/page/n101/mode/2up>)

1552 году близ города Оксфорда (Oxford). Его изображение, которое дал этот доктор, очень близко к тому, которое нам прислали из Солсбери. Рюэф сообщает еще, то из двух частей монстра, которого он описывает, одна была куда живей и веселей другой. Но, что случается редко, он уверяет, что одна пережила другую на две недели». Это в буквальном смысле слова письмо: оно датировано 12 ноября 1664 г. и озаглавлено «Извлечение из письма, написанного из Оксфорда». Не скажешь, что текст органично вписывается в рубрику «того нового, что сможет найти в животных

¹ Якоб Руф, цюрихский хирург. Де Салло офранцузил имя, фамилию написал, как в книге. Фамилию Руфа при жизни писали очень по-разному: Rueff, Ruoff, Ruff, Ryff. Я передаю ее по-русски как «Рюэф», потому то думаю, что так ее произносил, если произносил, де Салло. «Монстры» описаны в пятой книге *De conceptu et generatione hominis*: «В году 1552 в Англии недалеко от Оксфорда родился один безобразный младенец с двумя головами, четырьмя руками и со столькими же кистями рук, с одним животом, женским удом и одним седалищем. С одной стороны у него было две перпендикулярные ноги, с другой только одна, правильно вытянутая в форме двух ступней, имеющей десять пальцев. Из них один прожил пятнадцать дней, а другой один. Плакали в течение всего этого времени редко. Один из них был довольно веселый, а другой сонный и грустный. Длина и ширина их была двадцать дюймов (37 см, если считать дюйм за 1,85 см (римский дюйм), 50, если за 2,5 см. — И.Р.)» (издание 1554 г. доступно на archive.org, текст на развороте 47 (обороты разворотов не пронумерованы) (рис. 1)).

анатомия», но он, бесспорно, «заслуживает любопытства ученых», по крайней мере ученых той эпохи: все видели коллекцию доктора Рюйша в Кунсткамере, памятник тератологического интереса Петра (о «монстроведении» по-русски можно почитать в статье А.В. Карабыкова (Карабыков, 2018)). Читатель первого номера «Журнала ученых» может видеть продуманный план: письму о сиамских близнецах предшествует не все равно какая рецензия, а рецензия на издание Декарта, причем издание тоже не все равно какое, а трактат «Человек» с приложением трактата о формировании плода.

Де Салло с самого начала собирался печатать материалы по естественным наукам. В первом номере, однако, это только внятно выраженное намерение: статей о «физических и химических экспериментах, новых открытиях в ремеслах и науках, астрономических и метеорологических наблюдений» и чего-то, что нашла анатомия, нет (письмо о Марте и Марии не в счет). Однако рецензии, из которых состоит номер, напечатаны не как попало, де Салло, видимо, все-таки следовал плану и этот план опирается на уже брезжившее разделение наук на гуманитарные и естественные. Если вывести за горизонт рецензию на издание Шифле, как неизбежное предисловие с ссылками на труды основоположников в советских книгах, мы увидим правильное чередование:

Рецензируемая книга	Дисциплины
«Глоссарий» Г. Спелмана ²	история и филология, гуманитарные науки
«Сравнение двух новых наблюдений» Дж. Кампани ³	<i>оптика, астрономия, естественные науки</i>
Латинский перевод «Рассуждения о первенстве королей Франции, Испании и Англии» Дж. Хауэлла	история и право, гуманитарные науки
Второе издание «О чихании» М. Схока ⁴	<i>физиология, естественные науки</i>
Свежее издание «Подозрительных чтений» К. Шоппе	филология, гуманитарные науки
«Человек» Декарта	<i>физиология, естественные науки</i>

Сам акцент на предполагаемом присутствии в журнале естественных наук, видимо, следует понимать так, что наукой по преимуществу в ту эпоху не провозглашалась, конечно, нет, но все-таки ощущалась традиционная эрудиция, знание обоих языков и авторов, на них писавших, в первую очередь Цицерона: «... прочее все время // Провожать меж мертвыми греки и латины, // Исследуя всех вещей действия и причины...» Та наука с энтузиазмом приветствовала новую, нарождавшуюся. Она не знала, что по прошествии трехсот лет, подросшая и оперившаяся, эта новая,

² Книга называется *Glossarium Archaologicum: Continens Latino-Barbara, Peregrina, Obsoleta, et Novatae Significationis Vocabula...* Де Салло опустил слово *Archaologicum*.

³ Книга называется *Ragguaglio di due nuovi osservazioni*, де Салло сделал две ошибки в названии: опустил слово *due* и офранцузил орфографию: в слове *osservazioni* вместо *z* поставил *t*.

⁴ В Брокгаузе – «Шоок». Издание трактата 1664 г. доступно на archive.org.

экспериментальная и доказательная наука будет считать наукой в буквальном смысле только себя, а на свою предшественницу посматривать с презрительным недоумением.

Во втором номере на первом месте будет в некотором смысле «решение суда»: обновление Индекса запрещенных книг, которое процитировано, а потом дана рецензия на первую из перечисленных книг, которая посвящена свободам галликанской церкви, рецензия, естественно, положительная. В тот момент иезуиты были всемогущи, и галликанство привлекло их внимание к журналу. Де Салло не пострадал, потому что его защитил Кольбер, но покинул журнал как раз тогда, когда Ольденбург начал свой: в марте 1665 г. (Тем не менее он успел дать известие о *Philosophical Transactions*: оно завершает выпуск «Журнала ученых» от тридцатого марта.)

Одного только перечисления того, что составит содержание этого журнала, могло бы хватить, чтобы понять всю его пользу. Добавлю, однако, что в нем должен быть весьма заинтересован всякий, кто предпримет какой-нибудь достойный внимания труд, поскольку такие люди смогут воспользоваться им, чтобы опубликовать свой замысел и пригласить всех прислать им рукописи и краткие заметки и мысли, которые смогут споспешествовать завершению дел, за которые они взялись.

Кроме того, те, кого не прельщает достоинство автора, но кто между тем сделает какие-то наблюдения, которые заслуживают обнародования, смогут это сделать, прислав мне записку, которую я не премину включить в этот журнал.

Мало, полагаю, найдется людей, которые не видят, насколько этот журнал будет полезен тем, кто покупает книги, поскольку они больше не будут их покупать, не познакомившись с ними заранее. Не будет он бесполезен и тем, кто не может много тратить на книги, поскольку они не останутся без общего представления о них, даже их не покупая.

Де Салло не разделяет авторов (тех, «кто предпримет какой-нибудь важный труд» и тех, кто «уже сделал какие-то наблюдения, которые заслуживают быть сообщенными публике») и аудиторию (части которой посвящен последний из этих трех абзацев). Он объединяет их в группу заинтересованных – заинтересованных в существовании журнала. Это, видимо, характерная черта научной периодики: авторы и аудитория – это одно сообщество, в отличие от авторов и читателей обычных журналов и газет, что новостных, что литературных: там производство и потребление четко поделено между двумя самостоятельными группами. Это единство сложилось до того, как де Салло начал печатать журнал: по материалам первого номера понятно, с чем мы имеем дело. Наиболее явно это в финальном тексте: перед нами письмо. Значение переписки для мира науки в предшествующую эпоху всем известно, все так или иначе слышали имена

Пейреска и Мерсенна. Генри Ольденбург, подражатель де Салло, сам был в Англии тем, кем во Франции поколением раньше был Мерсенн (La Science Classique, 1998, с. 37).

Такие подвижники науки, как Мерсенн, везшие на себе тяжкий груз все-европейского научного общения, тоже не были первопроходцами. До и даже еще при них все было совсем просто: «... какой-то человек велел развесить на улицах объявления, в которых предлагал ученым математическую задачу и спрашивал, как ее решить. Объявления были написаны по-фламандски, так что г-н Декарт, вновь прибывший из Франции и не понимавший еще тогда местного языка, сначала ограничился тем, что узнал, что это была задача, предложенная каким-то математиком, имя которого не было известно, но который льстил себя надеждой приобрести известность и славу с ее помощью. Увидев стечение прохожих, которые останавливались перед объявлением, он попросил первого, кто оказался возле него, соблаговолить вкратце сказать ему по-латыни или по-французски суть того, что оно содержало. Человек, к которому его направил случай, соблаговолил удовлетворить его просьбу по-латыни, но с тем условием, что тот со своей стороны обязуется представить ему решение этой задачи, которую он сам счел очень трудной. Г-н Декарт принял условие со столь решительным видом, что этот человек, который не ожидал ничего подобного от молодого вольноопределяющегося, записал ему свое имя и место жительства, с тем чтобы он смог принести ему решение задачи, когда найдет его» (из «Жизни Декарта» А. Байе). В то время, как и сейчас, писавшие на стенах, заборах и фонарных столбах интересовались куплей, продажей и моральным обликом соседок и властей, но пока наука была тем, чем была в XVII в., появлялись и такие объявления. Некто Гриша Перельман обнародовал свои идеи на электронном, правда, но тоже заборе. Интернет вернул забор (буквально: «стена» в VK) в число способов научной коммуникации, но не поколебал, кажется, положения научной периодики: она остается основным способом, «результатом» считается то, что напечатано в рецензируемом журнале. Изначально научная пресса задумана как инструмент коммуникации и кооперации в республике словесности, только более совершенный, чем классическая переписка и забор с объявлениями, поскольку проще тиражируемый и распространяемый. Именно поэтому уже на самом раннем этапе ученые начали использовать периодику, чтобы зафиксировать приоритет. Лейбниц был в числе пионеров: он опубликовал тексты, связанные с исчислением бесконечно малых, в трех журналах в 1691 и 1692 г.: в *Acta eruditorum*, *Journal des sçavans* и *Giornale de'letterati* (La Science Classique, 1998, с. 147).

Переписка таких ученых, как Мерсенн, не единственная научная или околонаучная переписка эпохи. Переписка постоянно, почти с момента возникновения сопровождала типографию. Сначала печатники кочевали от одного заказчика к другому, работа была проектная, оплата сдельная. Только со временем они начали оседать, одни в крупных административных и университетских центрах (Рим, Париж), другие там, где первичные материалы, в первую очередь хорошая бумага, были доступнее (Венеция,

Лион). Их клиентура была очень тонко и неравномерно размазана по всей Европе и, хотя у типографии университетских городов потребителя под рукой было больше, чем у того, кто выбрал сокращение расходов за счет логистики, удержать читателей, не поддерживая переписку, не могли ни те, ни другие (Martin, 1987, с. 18, 22). Это первое, во-вторых, на местах ученые, преподаватели и печатники составляли одну среду: Бартеlemi Ано называл «лионским товариществом (sodalitium lugdunense)» кружок, который объединял преподавателей коллежа Св. Троицы (он сам, Жан Канап, Элуа Дюверже, Жан Пелиссон, Шарль де Сент-Март) и Себастьяна Грифа (Gryphe, собственно Gryphius), типографа, выпускавшего их сочинения (Meerhoff, 2001, с. 41). Эти же лионские гуманисты были у Грифа, который издавал много латинских и греческих авторов, редакторами. (В их число входил и Рабле. Он подготовил для Грифа издания Галена и Гиппократ (он был врачом), Апиция (не знаю, повлияло ли это на образ Гаргантюа) и Макробия.) Однако функции печатника и редактора, причем редактора, которому требуется подготовка настоящего ученого, филолога и историка, тогда еще толком не разделились. В отличие от Грифа, Этьенны и Альды, например, сами собирали и описывали рукописи, устанавливали текст, составляли комментарии для собственных изданий. Чтобы выпускать книги, надо было вести исследования, но наука здесь служила типографии, а в предприятии де Салло они слились, наука разучилась обходиться без типографии. Де Салло, несомненно, наследовал этой традиции, но не отступал и от традиции ученой переписки: он не просто печатал поступающую корреспонденцию, как типограф, но и готов был пересылать отклики на нее, как Мерсенн: «... пригласить всех прислать им рукописи и краткие заметки и мысли, которые смогут споспешествовать завершению дел, за которые они взялись...» В итоге на следующем этапе истории науки подобный лионскому союз книготорговца (Гледича) и кружка ученых, известнейшим членом которого был Лейбниц, создал Acta eruditum (La Science Classique, 1998, с. 141).

По тексту де Салло видно, что терминов пока нет: он публикует письмо из Оксфорда, слово article не используется в предисловии к первому номеру «Журнала ученых». С другой стороны, письмо – это до сих пор жанр и рубрика. Где-то «Письмо в редакцию» – это раздел для неформатных текстов, не вполне соответствующих стандартам статьи, а где-то Letters – это просто статьи (так было в Nature).

Взявшиеся издавать этот журнал долго не могли решить, должны ли они выпускать его ежегодно, ежемесячно или еженедельно. Наконец, они решили, что он должен выходить каждую неделю, поскольку новости устаревали бы слишком быстро, если разговор о них откладывать на целый год или месяц. Кроме того, очень многие знатные особы признавались, что, выходя время от времени, этот журнал был бы для них приятен и послужил бы развлечением и что, напротив, им было бы утомительно читать целый том о такого рода вещах, которые утратили бы всю прелесть новизны.

Пусть никто не изумляется, видя здесь мнения касательно наук, отличные от его собственных, поскольку мы специально сообщаем убеждения других людей, не ручаясь за них, равно как безо всякого умысла их опровергнуть. Что же до стиля, то так как множество людей вносят в этот журнал свой вклад, невозможно, чтоб он был очень единообразен. Однако, поскольку эта неровность, которая происходит от разнообразия тем и своеобразия умов, которые о них пишут, могла бы быть неприятной, мы просили г-на де Эдувиля возложить на себя заботу по подгонке материалов, которые поступают из разных рук, так чтобы они могли приобрести некоторую соразмерность и регулярность. Таким образом, ничего не меняя в суждениях каждого автора, он лишь даст себе свободу помянуть иной раз выражение и не присоединится ни к одной партии. Это безразличие, конечно, сочтено необходимым в труде, который должен быть свободен от любого рода предрассудков не менее, чем избавлен от пристрастий и предвзятости.

Journal des sçavans (рис. 2) был персональным предприятием де Салло, как Philosophical Transactions – Генри Ольденбурга (La Science Classique, 1998, с. 140). Несмотря на посвящение Королевскому обществу, они не были изданием Королевского общества. Когда Ольденбург умер, они

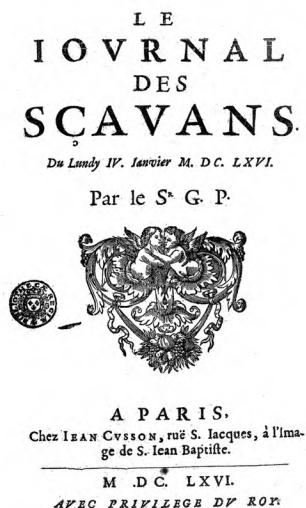

Рис. 2. Титул одного из номеров «Журнала ученых» за 1666 г.
Источник: сайт Национальной французской библиотеки
(<https://gallica.bnf.fr/ark:/>

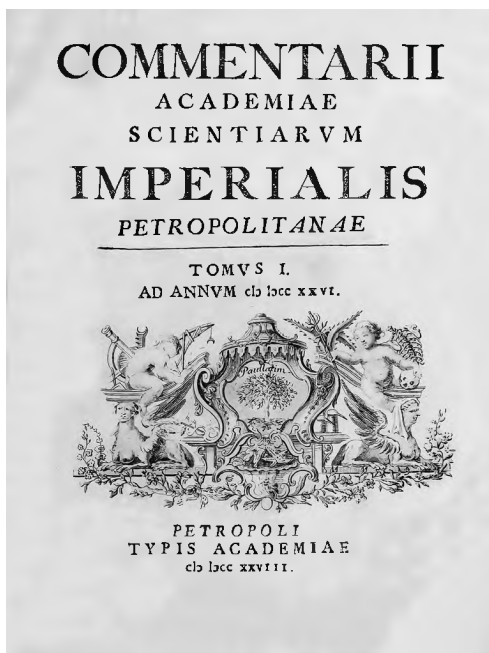

Рис. 3. Титул первого тома «Комментариев» Петербургской академии наук

перестали выходить. Только спустя время Королевское общество решило их воскресить. Так и только с этого момента они стали академическим журналом. Сотрудник де Салло и его первый преемник на посту редактора, аббат Галлуа был членом трех академий, академиком (членом Французской академии) был и четвертый редактор Луи Кузен (переводчик греческих историков церкви: Евсевия, Сократа Схоластика, Евагрия (Vittu, 2019)), но, как и *Philosophical Transactions*, «Журнал ученых» изначально не был академическим изданием. Их появление было делом ближайшего будущего. Академические *Acta* или *Commentarii* стали вторым поколением научной периодики (рис. 3), их расцвет естественно совпал с массовым основанием академий в Европе уже в XVIII в. (*La Science Classique*, 1998, с. 142). Их было много, но выходили они реже, чаще ежегодно. Больше того, научная пресса эпохи верила в долговечность информации: отдельные журналы выпускали полные собрания своих материалов за прошедшие десятилетия (отдаленный аналог – юбилейные сборники наших дней). Тем не менее полемика – нормальное занятие ученых – в этих тугодумных изданиях тоже велась. В текущем французском применительно к прессе *journal* обозначает газету и это мотивированное обозначение: *jour/journée* – это «день», *journal* – это (по/еже)дневное (издание) (собственно, «днЕвник»). Несмотря на то, что *journal* в *Journal des sçavans* имеет устаревшее значение любого периодического издания, а не только газеты, нечто ощутимо газетное в нем есть: с самого начала научная периодика стремилась к максимальной скорости доставки информации, она считала ее своей главной задачей. Именно поэтому вступление де Салло к первому номеру кончается извинениями:

В остальном, ожидая, пока этот год даст новости, достаточные для разговора с вами, я надеюсь, мой дорогой читатель, что вы охотно потерпите, чтобы вам рассказали о главных событиях, которые произошли в прошедшем году и которые в начале этого все еще составляют самый обычный предмет разговоров ученых.

Раннее Новое время – эпоха памфлетов, в первую очередь, политических. Это очень короткие тексты. Их формат – брошюра. В современном собрании сочинений в серии Плейд один памфлет кардинала де Реца занимает пять-десять страниц. Оригинальная брошюра имела чуть больший, но примерно тот же объем. Республика словесности вела полемику таким же образом. Типография предложила свои услуги сразу, задолго до появления научного журнала. Известна, например, роль базельского печатника Фробена в дискуссии об изучении древних языков и риторики, вернее об их значении для богословия, которая началась после выхода эразмовского издания Нового Завета в 1516 г. В 1519–1520 г. он перепечатал если не все, то многие тексты дискуссии (Meerhoff, 2001, с. 27). Все знают, как выразилось стремление научной полемики к печатному станку в случае декартовских «Размышлений»: Мерсенн разослал текст и собрал отзывы, Декарт написал ответы, а Эльзевиры напечатали то, другое и третье в одном томе. Де Салло шел в ту же сторону, но его издание

предлагало несколько преимуществ: во-первых, оперативность: журнал выходил каждую неделю, т.е. в январе 1665 г., например, вышло четыре номера. Во-вторых, все печаталось в одном месте, за полемикой было легче следить. Формат журнала был такой же, как у памфлета: восемь страниц оригинального издания первого номера, двенадцать последующих (Vittu, 2019). Как и Фробен, как и Эльзевир, он давал возможность высказаться всем сторонам и не брал на себя роль судьи, но не обещал, что тексты выйдут в первозданном виде. Тут, видимо, следует иметь в виду тональность научной полемики того времени: известно, например, как упомянутый выше Шоппе преследовал Скалигера. Редактор как модератор полемики, видимо, должен был смягчить резкость спора.

Во второй половине XVII в. наука была и такой, и не такой, как сейчас: математика, наблюдение и эксперимент уже оттолкнули спекуляцию и авторитет, но в остальном до нынешнего состояния было далеко. Сейчас наука – это массовая профессия. Тогда это вид приличного, но чудаческого по мнению большинства досуга, поэтому в предисловии де Салло промелькнула диковатая на наш взгляд фраза о развлечении знатных особ. Сейчас наука узко специализирована. Тогда специализации не существовало, поэтому первый журнал начинал первый номер с истории церкви, а заканчивал письмом о рождении сиамских близнецов. Сейчас специализированные журналы численно доминируют, но самыми известными все равно остаются общенаучные: Nature, Science... Притом что сама общенаучность радикально изменилась (ни Nature, ни Science не печатают рецензии на издания отцов церкви), де Салло, видимо, заложил традицию, которая смогла пережить даже текущую специализацию. «Журнал ученых» начал выходить в эпоху Ньютона и Лейбница, но до Менделя, например, оставалось ровно двести лет, до Дарвина около двухсот, даже до Ламарка около ста пятидесяти. За это время не только родились новые и умерли старые теории, но и появились целые науки: только спустя сто пятьдесят лет Гримм, Бопп и Раск создали лингвистику, например. И обратно: в наши дни богословие если и не везде изгнано из университета, то заключено в гетто и не кажется наукой никому, кроме самих богословов. В общем, с 1665 г. наука, конечно, осталась собой, но поменялась сильно, а научная периодика практически не изменилась, только резче разделилась на гуманитарную и естественнонаучную. Взглянув на программу де Салло и ее реализацию, любой редактор увидит примерно то же, что видит в собственном журнале: те же рубрики и жанры, те же темы и интересы, та же аудитория и авторы, та же система отбора и обработки текстов. Если б у нас не было Дня печати, пятое января вполне могло бы стать Днем научного журнала. Journal des sçavans расположился примерно посередине между ньютоновскими (вышли в восьмидесятых) и декартовскими (в сороковых) «Началами», и история того, что создал де Салло, почти совпадает по длине с историей науки. Поэтому научная периодика – это не просто традиция: она «была всегда», поэтому кажется чем-то невероятно живучим, равным и верным себе, а нас не покидает ощущение верного пути.

Источники и литература

1. Карабыков А.В. Введение в монстроведение Ренессанса: гибридные существа и другие создания // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 52–64.
2. *La Science Classique, XVIe–XVIIIe siècle: dictionnaire critique*. Sous la dir. de M. Blay et R. Halleux. Paris: Flammarion, 1998. 876 p.
3. Martin H.-J. Pour une histoire du livre (XVe–XVIIIe siècle). Cinq conférences. Napoli: Bibliopolis, 1987. 160 p.
4. Meerhoff K. Entre logique et littérature. Autour de Philippe Melanchthon. Orléans: Paradigme, 2001. 228 p.
5. Vittu J.-P. Trois cent cinquante ans au service des sciences: le Journal des Savants // La Revue des revues. 2019. № 62. P. 56–69. DOI 10.3917/rdr.062.0056. [Электронный ресурс]. Режим доступа: CAIRN.INFO, shs.cairn.info/revue-la-revue-des-revues-2019-2-page-56?lang=fr (дата обращения: 11.04.2025).

References

1. Karabykov, Anton V. "Vvedenie v monstrovedenie Renessansa: gibridnye sushchestva i drugie sozdaniya." *Voprosy filosofii*, no. 8, 2018, pp. 52–64.
2. *La Science Classique, XVIe–XVIIIe siècle: dictionnaire critique*. Sous la dir. de Michel Blay et Robert Halleux, Flammarion, 1998.
3. Martin, Henri-Jean. *Pour une histoire du livre (XVe–XVIIIe siècle). Cinq conférences*. Bibliopolis, 1987.
4. Meerhoff, Kees. *Entre logique et littérature. Autour de Philippe Melanchthon*. Paradigme, 2001.
5. Vittu, Jean-Pierre. "Trois cent cinquante ans au service des sciences: le Journal des Savants." *La Revue des revues*, no. 62, 2019, pp. 56–69. CAIRN.INFO, shs.cairn.info/revue-la-revue-des-revues-2019-2-page-56?lang=fr, doi: 10.3917/rdr.062.0056.

Сведения об авторе

Разумовский Иван Сергеевич, кандидат философских наук, редактор, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН; e-mail: razoumovskiy@mail.ru.

Дата поступления статьи: 22.08.2025

Одобрено: 15.09.2025

Дата публикации: 05.11.2025